

6. Нечаева В. С. В. Г. Белинский: Начало жизненного пути и лит. деятельности: 1811–1830. М., 1949. 449 с.; Нечаева В. С. В. Г. Белинский. Жизнь и творчество 1836–1841. М., 1961. 391 с.

7. Маршак А. Л. Культура и идеология в социальной жизни России: различия и идентичность // Власть. 2008. № 6. С. 28–33.

8. Поляков М. Я. Виссарион Белинский. Личность – идеи – эпоха. М., 1960. 232 с.; Белинский в Московском университете. М.: МГУ, 1947. 60 с.; Белинский в Москве: (1829–1839). М.: Московский рабочий, 1948. 315 с.; Виссарион Григорьевич Белинский. М., 1953. 84 с.

9. Сакулин П. Н. Крепостная интеллигенция // Великая реформа. 1911. 175 с.

10. Стенограмма совместного заседания ВТО и Института Истории Искусств в Академии Наук СССР, посвященного обсуждению спектакля «Дмитрий Калинин» от 27.04.57 // Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 2654. Оп. 1. Д. 11.

УДК 821.161.1

*Д. Н. Черниговский (Киров, Россия)
Вятский государственный университет*

Тема «поэта и поэзии» и ее сатирический аспект в творчестве И. М. Долгорукова

Статья посвящена рассмотрению темы «поэта и поэзии» в творчестве известного сатирика рубежа XVIII–XIX веков Ивана Михайловича Долгорукова (1764–1823), поднявшего в своей поэзии все основные сатирические темы современной ему эпохи: самодержавный и крепостнический произвол, бюрократизация государственного аппарата, галломания, аморализм высшего света и т.д. Рептильные писатели и журналисты также явились объектом сатирического обличения популярного в свое время поэта-классициста.

Ключевые слова: И. М. Долгоруков, жанр стихотворной сатиры, тема поэта и поэзии, русская поэзия рубежа XVIII – XIX веков

Тема поэта и поэзии, чрезвычайно характерная для русской поэзии, (начатая еще М. В. Ломоносовым в «Разговоре с Анакреоном» (1756–1761)), нашла отражение в одном из лучших сатирических произведений И. М. Долгорукова «Черты свободного писателя» (1813). Стихотворение написано в популярном у классицистов жанре сатиры и соответствует основным жанровым канонам: александрийский стих, обилие церковнославянизмов и форма послания, в котором «эпистолярная рамка монологического повествования обеспечивает идеальные возможности для постановки и обсуждения самых различных животрепещущих проблем общественной и литературной жизни

[7, с. 59]. Надо отметить, что Долгоруков, развивая тему поэта и поэзии в сатирическом ключе, не являлся первопроходцем, так как она успешно была в этом аспекте поставлена уже в XVIII веке А. П. Сумароковым и И. И. Хемницером, которые обличали В. П. Петрова и В. Г. Рубана, «заслуживших у современников репутацию казенных одописцев, готовых поставлять верноподданические панегирики по любому поводу из политической и официальной жизни двора» [7, с. 107].

Обращение сатирика к указанной теме накануне полувекового юбилея («...без года в пятьдесят...») [6, с. 444] было вызвано необходимостью подвести творческие итоги и дать четкую формулировку своего писательского кредо. В этой связи представляется, что данное стихотворение, содержащее концепцию общественного предназначения литературы, являлось в творчестве Долгорукова программным.

Автор сатиры осознавал себя продолжателем просветительских традиций минувшего столетия и полагал образованность неременным условием писательской деятельности. «По мнению моему, – заявлял Долгоруков, – чем больше кто учился, // Словесности плодом с успехом насладился, // Тем должен тот сильней порок уничтожать... Хвалить одно добро, с нечестием сражаться, // Невежество учить, фанатику смеяться...» [6, с. 443].

Бескомпромиссное служение правде Долгоруков считал необходимым качеством «пиита нелицемерного» [6, с. 443]. По мнению автора сатиры, «дееписатель верный» [6, с. 443] должен «...правду чисту резать» [6, с. 442], судить «...судом строжайшим человека // В деяниях его и времени и века...» [6, с. 443], «В прямых чертах казать достоинства людей, // Иначе, как спознать, кто добр был, кто злодей?» [6, с. 443]. Как вероятный парафраз державинский строки: «и истину царям с улыбкой говорить...» [2, с. 233] – можно рассматривать следующий долгоруковский императив, согласно которому «свободный» писатель должен: «...правду предпочтя всем счастья играм, // Без трепета ее вещать самим царям» [6, с. 443].

Между тем автор произведения не ограничился декларацией своих взглядов на предназначение литературы и затронул сатирический аспект темы «поэта и поэзии». Предложенный Долгоруковым эскиз портрета «свободного» писателя нуждался в контрастном сопоставлении с образом продажного писаки, и поэт не поскупился на самые яркие краски своей сатирической палитры для выполнения этой задачи.

Собственно сатирическая часть произведения начинается с констатации характерной для современного Долгорукову этапа развития литературы тенденции: «стихи писать теперь есть промысел торговый» [6, с. 441]. Надо сказать, что активно шедший в первой четверти XIX века процесс профессионализации писательского и, в частности, поэтического труда вызывал неоднознач-

ные оценки. «В русской литературе, – как объясняет Ю. М. Лотман, – господствовало представление о том, что поэзия – подарок богов, а не труд, и получать за нее денежное вознаграждение унижительно для поэта» [5, с. 75]. Писателю, желавшему существовать на литературный заработок, таким образом, приходилось бороться с предубеждением, за которым стояла сила традиции [5, с. 74–77]. Однако негативное отношение к творчеству как к ремеслу имело и другое, более веское основание. Речь идет о том, что литературный профессионализм был почвой для появления рептильных писателей и журналистов. Прогрессивные писатели неустанно разоблачали тех, кто в указанном смысле торговал совестью и талантом. Например, наиболее одиозные литературные карьеристы – П. П. Свиньин и Ф. В. Булгарин – заявив о себе, сразу же встретили отпор со стороны А. Е. Измайлова, П. А. Вяземского и А. С. Пушкина [1, с. 28]. Вяземский и Пушкин, кроме того, в 20–30-е годы XIX века боролись против так называемого «торгового направления», связанного с именами Булгарина, Н. И. Греча, О. И. Сенковского [4, с. 113–116].

Что касается Долгорукова, то он был далек от признания литературной продукции товаром. Продажу рукописей поэт, соответственно, не рассматривал как источник дохода и все гонорары за издание своих сочинений перечислял на нужды основанных им во Владимире, в бытность губернатором, гимназии и библиотеки [3, с. 476–477]. Вместе с тем, говоря о поэзии как о «промысле торговом», сатирик не имел в виду профессиональных литераторов вообще. Гнев поэта был направлен против льстецов-панегиристов и рептильной журналистики.

Долгорукову ненавистны писатели, работающие во имя «любостяжания» [6, с. 444], порока, который порождает цепочку других моральных уродств. Корысть, как считает сатирик, это первопричина лести, ибо велик соблазн «...за сладкий стих в петлицу крестик вздеть» [6, с. 444]. Лесть в свою очередь неразлучна с предательством, поскольку лстец, «...не щадя святого ничего, // Сегодня песнь поет хвалебную вельможе, // А завтра начертит сатиру на него же» [6, с. 442]. Подобная безнравственность скрывается за лицемерием продажных писаек, которые используют свое искусство «на то, чтоб выхвалять, добра надев личину, // Моральных тяжких зол ужасную пружину» [6, с. 447].

Для характеристики абстрактного продажного писателя Долгоруков находит чрезвычайно резкие метафоры, создающие атмосферу ювеналовской инвективы. Рептильный литератор, подчиняющий высокое искусство слова сиюминутным интересам правительства или отдельного вельможи, как считал сатирик, тем самым «...сквернит свое перо, топя его во лжи» [6, с. 442], «во всякий стих кладет приправу подлой лести» [6, с. 442]. Одно из наиболее ярких уподоблений поэт строит на основе образной структуры библейской притчи.

Так, согласно Долгорукову, витийствующий лжец «...плевелы садит на ниве чистой ржи» [6, с. 442] (см.: Мтф. 13, 24–30).

Между тем в стихотворении можно обнаружить и другие библеизмы. Например, бичуя славословие, поэт использует евангельское выражение для емкой характеристики этого порока: «... лезть, как тать noctной, вселяется в наш дух» [6, с. 443]. Для того чтобы подчеркнуть тяжесть греха писателя, торгующего своей совестью, Долгоруков прибегает к известной евангельской притче о рабе, закопавшем в землю талант серебра (см. Мтф. 25, 14–30). Сатирик так обращается к лживому «стихотвору»: «Ты злей того раба свой дар употребил, // Который, взяв талант, шед, в землю его скрыл!» [6, с. 441].

Указанные метафоры и библеизмы, наряду с обилием церковно-славянских слов (*лик* [6, с. 441], *чертог* [6, с. 441], *витийство* [6, с. 442], *благовестить* [6, с. 442], *тварь* [6, с. 442], *тать noctной* [6, с. 443], *расточать* [6, с. 443], *вещать* [6, с. 443], *грядущи* [6, с. 444], *рекла* [6, с. 443], *любостяжание* [6, с. 444], *злато* [6, с. 444]) и усеченных прилагательных (*возможны* [6, с. 441], *безбожны* [6, с. 441], *пристойна* [6, с. 441]), были использованы Долгоруковым в «Чертах свободного писателя», чтобы придать произведению словесно-образный строй высокой сатиры. Таким образом, поэт стилистическими средствами подчеркнул важность поставленной в стихотворении проблемы писательского идеала и его антипода.

Искренний пафос, с которым Долгоруков перечислил совокупность качеств идеального писателя, не вызывает сомнений насчет аутентичности заявленной сатириком творческой программы. Однако поэт попытался создать у читателя представление, что сформулированные в стихотворении принципы литературной деятельности – это некая абстракция, не имеющая отношения к его собственному творчеству. Такая иллюзия создается автором за счет эпистолярной формы сатиры. Рамки дружеского письма позволили поэту ввести в произведение автобиографический элемент – имитацию ответа воображаемому корреспонденту на вопрос, почему в журналах нет долгоруковских стихов. Изложив свои соображения о должности писателя и о назначении литературы, сатирик с лукавой скромностью завершает эпистолу:

Вот исповедь моя тебе, любезный друг!
Внимательно прочти, когда найдешь досуг;
Увидишь из нее, зачем ленив бываю,
В журналы никаких стихов не посылаю.
Писать прекрасный вздор для распрекрасных дам
Без года в пятьдесят труда себе не дам;
А дело говорить рассудок запрещает:
Не все то хорошо, что сердце соблазняет.
Итак, пускай по мне прочтут, что я писал,

Увидят, как я жил, как чувствовал, мечтал.
Я жить хочу, люблю – и миром забавляюсь;
Но выучен бедой, уже не домогаюсь
За острое словцо гром вызвать на себя,
От коего спаси Всесильный и тебя! [6, с. 444]

Обращаем внимание на то, как старательно Долгоруков отмежевывается от сформулированного им кредо честного литератора. Однако текст данного пассажа входит в противоречие с реальной поэтической практикой сатирика и лишь подчеркивает, что декларированные в «Чертах свободного писателя» принципы – это тот нравственный ориентир, которым Долгоруков руководствовался в своем творчестве.

Полагаем, что проанализированное стихотворение И. М. Долгорукова можно рассматривать как литературный фон (возможно, претекст), на котором несколько позднее возникнут такие шедевры русской гражданской поэзии, как «Разговор книгопродавца с поэтом» А. С. Пушкина, [6, с. 443], «Журналист, Читатель и Писатель» М. Ю. Лермонтова и «Поэт и гражданин» Н. А. Некрасова.

Литература

1. Гиллельсон М. И. Петр Андреевич Вяземский // Вяземский П. А. Сочинения: в 2 т. Т. 1. М., 1982.
2. Державин Г. Р. Стихотворения. Л., 1957 («Библиотека поэта. Большая серия»).
3. Долгоруков И. М. Повесть о рождении моем, происхождении и все жизни...: в 2 т. Т. 2. СПб., 2005.
4. Ивинский Д. П. Князь П. А. Вяземский и А. С. Пушкин. М., 1994.
5. Лотман Ю. М. Александр Сергеевич Пушкин: Биография писателя. Л., 1982.
6. Поэты-сатирики конца XVIII – начала XIX в. Л., 1959 («Библиотека поэта. Большая серия»).
7. Стенник Ю. В. Русская сатира XVIII века. Л., 1985.